

О молитве.

Слово

Слово 1-е

Божие слово преподает нам учение о молитве, в котором достойным ученикам своим, тщательно ищущим ведения о молитве, излагает оно, какими молитвенными речениями надлежит преклонять к себе Божий слух. А я осмеливаюсь предположить написанному, что настоящему собранию надлежит сперва учиться не тому, как должно молиться, но тому, что непременно должно молиться, о чем, может быть, и не слышали еще многие. Священное и божественное сие дело – молитва многими во время жизни оставляется в нерадении и небрежении. Посему, кажется мне, прилично будет сперва, сколько возможно, подтвердить словом, что непременно должно, как говорит Апостол, «пребывать в молитве» (Рим.12:12); и потом уже выслушать Божественное слово, излагающее нам способ, как надлежит возносить моление ко Господу.

Вижу, что в настоящей жизни о всем другом прилагается более тщания, один к одному, другой к другому устремлен душою, но благо молитвы не с усердием взыскивается людьми. Мелочный торгаш с раннего утра сидит с товарами, стараясь прежде промысляющих тем же показать покупателям свое, чтобы, предварив других, удовлетворить потребности нуждающегося и продать свое. А также и покупатель, имея в виду не остаться без потребного ему, если прежде захватит это другой, спешит не в дом молитвы, а на рынок. И у всякого, кто имеет равное пожелание получить выгоду, и старается предупредить ближнего, тем, о чем он заботится; похищается час молитвы, будучи перенесен на торжище. Так занимающийся рукоделием, так и упражняющийся в науках, так подсудимый, так получивший право судить – каждый, всецело увлекаясь заботливостью о том, что у него под руками, предаст забвению упражнение в молитве, признавая богомыслие утратою для предлежащего ему дела; потому что, кто занимается искусством, тот Божие в предлежащем ему деле содействие почитает чем-то бесполезным и ни к чему не служащим: почему, оставив молитву, возлагает надежду на свои руки, не памятуя о Том, Кто дал ему эти руки. А также, кто прилагает попечение об образовании в себе дара слова, тот не помышляет о Том, от Кого имеет сей дар, но как будто сам себя возвел в естество, обращает внимание только на себя, и предается изучению уроков; в топ мысли, что от Божия содействия не будет для него ничего доброго, своей тщательности отдает предпочтение пред молитвою. Подобно сему и прочие занятия заботливостью о телесном и земном не дают душе досуга на попечение о важнейшем и небесном.

Посему-то великий это в жизни грех, непрестанно от разных приращений более и более увеличивающийся, соединенный со всеми человеческими заботами, отчего и забвение о Боге преобладает всеми, и благо молитвы не включается людьми в число заслуживающего их заботливость. С торговлею

привходит любостязательность, а любостязательность есть идолослужение. Так земледелец не с необходимыми потребностями соразмеряет труды земледелия, но, простирая всегда тщательность до большей меры, доставляет греху свободный вход в занятие тем, что вносит оное в чуждые пределы. Отсюда происходят нескончаемые споры, когда одержимые подобным недугом любостязательности входят между собою в состязания о границах земли. От сего раздражения, побуждения к злым делам, и взаимные нападения друг на друга часто оканчиваются кровопролитием и убийством. А также усиленные хождения по судам, изобретая тысячи извинений неправде, служат множеству разных грехов. Судья или произвольно за взятку кривит весами правосудия, или, против воли введенный в обман старающимися затемнить истину, подтверждает неправду. И что, если пересказать подробно это множество видов и способов, какими грех примешивается к человеческой жизни?

Причиною же греха не иное что, а единственно то, что люди к тем средствам достигнуть желаемого, какие у них под руками, не хотят присовокупить и Божию помощь. Если усиленному старанию предшествовать будет молитва, то грех не найдет доступа к душе. Пока в сердце твердо памятование о Боге, недействительными остаются примышления сопротивника; потому что в делах сомнительных везде за нас ходатайствует правда. Молитва и земледельца удерживает от греха, на малом пространстве земли умножая плоды, так что грех не входит уже с пожеланием большего. Так путешественник, так вступающий в воинские ряды, или в супружество, так всякий, к чему бы ни было направлено его стремление, если каждое дело будет делать с молитвою, благоуспешностию в том, чем он занят, будет отвращен от греха, так как ничто противное не увлечет души его в страсть. Если же кто отступит от Бога, всецело предастся собственному усилию; то, став вне Бога, по всей необходимости непременно перейдет он во власть противника. Отлучается же от Бога, кто не в единении с Богом посредством молитвы.

Посему надлежит нам тому сперва научиться в этом слове, что «должно всегда молиться и не унывать» (Лк.18:1). Ибо следствие молитвы то, что бываем мы с Богом: а кто с Богом, тот далек от сопротивника. Молитва есть охранная стража целомудрия, доброе направление раздражительности, обуздание кичливости, очистительное средство от памятозлобия, истребление зависти, уничтожение неправды, исправление нечестия. Молитва есть крепость телу, обилие в дому, благоустройство в городе, могущество царства, победный памятник на брани, безопасность во время мира, собрание разъединенных, постоянная совокупность соединившихся. Молитва есть печать девства, верность супружества, оружие путешественникам, страж спящим, смелость бодрствующим, плодоносие земледельцам, спасение плавающим. Молитва – защитник подсудимым, освобождение узников, успокоение утружденных, ободрение скорбящих, удовлетворение радующихся, утешение плачущих, венец вступающих в супружество, торжество в день рождения, погребальная пелена умирающим. Молитва – собеседование с Богом, созерцание невидимого, несомненная уверенность в вожделеваемом, равночестие с Ангелами, преспеяние в добре, низложение зла, исправление согрешающих, наслаждение настоящим, осуществление будущего. Молитва Ионе кита

соделала жилищем, Езекию из врат смерти возвратила к жизни; а трем отрокам пламень обратила в дух росный (Дан.3:50), Израильтянам воздвигла памятник победы над Амаликитянами, сто восемьдесят пять тысяч Ассириян поразила в одну ночь невидимым мечем; и кроме сего можно найти в том, что было уже прежде, тысячи примеров, из которых делается явным, что из всего ценимого в жизни ничто не выше молитвы.

Но хотя время уже заняться самою молитвою; однако же присовокупим еще нечто к слову, потому что, по Божией благодати, благ всякого рода у нас много, для воздаяния же за полученное имеем у себя это одно – возможность платить долг Благодетелю молитвою и благодарением. Посему рассуждаю, что, если и целую жизнь продолжим свое собеседование с Богом, пребывая в благодарении и молитве, то воздаяние наше будет так же малоценно, как если бы мы не позаботились еще положить и начала исполнению этой обязанности – чем либо воздать Благодетелю. Продолжение времени делится на три отдела: на прошедшее, настоящее и будущее. Сими тремя отделами объемлется благодеяние к нам Господне. Помыслишь ли о настоящем? Ты о Господе живешь; или о будущем? Он для тебя – упование ожидаемого; или о прошедшем? Тебя и не было бы если бы не от Него получил бытие; тем самым ты облагодетельствован Им, что получил от Него бытие, облагодетельствован и тем, что пользуешься бытием, потому что о Нем живешь и движешься, как говорит Апостол (Деян.17:28) Да и надежды на будущее зависят от сего же благодеяния. Сам ты властен только в настоящем, так что, если бы и во всякое время не переставал ты благодарить Бога, то едва мог бы возблагодарить за настоящее, не находя никакого способа воздать должное и за будущее, и за прошедшее. А мы столько скудны в должной благодарности, что и по мере возможности не бываем признательны, не говорю, целого дня, даже большей части дня не уделяя на богомыслие. Кто распростер для меня землю? Кто промыслил своим и влажное естество соделал проходимым? Кто устроил мне «небо как камáру» (Ис.40:22)? Кто носит передо мною светильник солнца? Кто посылает источники в долину? Кто уготовал русла рекам? Кто отдал мне в услужение бессловесных животных? Кто меня – неодоушевленный прах – соделал причастником жизни и разума? Кто сие брэнное образовал по подобию образа Божия? Кто омраченный во мне грехом Божий образ снова привел в первоначальную лепоту? Кто меня, изгнанного из рая, удаленного от древа жизни, сокрытого в бездне вещественной жизни, влечет к первобытному блаженству? «Нет разумевающего» (Рим.3:11), – говорит Писание. Взвизывая на это, должны бы мы были во все продолжение времени жизни бесконечное и непрерывное воздавать благодарение.

Но теперь все почти человеческое естество бдительно для одного вещественного, об этом вся его тщательность, к этому все усердие, это составляет предмет и памятования и надежды. Неусыпно и неудержимо во всяком деле естество человеческое к вожделению большего, где только может еще быть найдено что-либо большее, в чести ли это и славе, в избытке ли имущества, или недуга раздражительности, везде естество наше имеет в виду достигнуть в этом большего, об истинных же благах Божиих, или известных по обетованию, нет и помышления.

Но время исследовать, по возможности, смысл речений, употребленных в

молитве; ибо явно, что получить желаемое нами делается для нас возможным, только когда дознаем, как надлежит сего испрашивать. Посему какое же преподано о сем учение? «А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны» (Мф.6:7). Хотя содержание сего учения, будучи изложено нам просто, само по себе может быть ясно и не требует никакого более тонкого изыскания; однако же достойно для нас исследования: что значит речение: «в многословии», чтобы, дознав смысл сего слова, не делать нам запрещенного.

Мне кажется, что Господь уцеломудривает суетность ума, обуздывает погружающихся в суетные пожелания, и потому изобрел это неупотребительное дотоле и новосоставленное речение в обличение неразумия тех, которые развлекаются пожеланиями бесполезного и суетного. Ибо слово благоразумное, смысловое и направленное к полезному в собственном смысле называется словом, а произносимое неисполнимыми пожеланиями ради неосуществимого удовольствия есть не слово, но лишь глаголение, или как иной, выражая мысль более употребительными словами. сказал бы: пустословие, бессмыслица, вздор, и что-либо другое подобного сему значения. Посему, что же внушает нам слово сие? – Во время молитвы не подвергаться тому же, что, например, происходит в детском уме. Ибо несовершенные умом не о том думают, что могло бы действительно быть исполнено по их мысли, но самовластно строят себе какую-то счастливую судьбу, предполагая сокровища, супружество, царства, большие города, называемые их именами, представляют себя обладателями того, что изобразила им суетность помыслов, а иные еще смелее предаются такой суетности, и преступив меру естества, или делаются мысленно птицами, или сияют подобно звездам, или носят в руке горы, или небо представляют для себя удобопроходимым, или предполагают прожить тысячи лет, из стариков делаясь молодыми, или иные подобные сим похожие на пузыри и пустые представления порождает сердце в юных умом; посему, как в делах обыкновенных не рассуждающий о том, чем достигается какое-либо из благих желаний, но осуетившийся неисполнимыми пожеланиями, как человек неразумный и жалкий, в этих грезах тратит время, в которое мог бы подумать, как сделать для себя что-либо полезное: так и тот, кто во время молитвы устремлен не к тому, что полезно душе, но просит Бога оказать благоволение к страстным движениям его ума, как человек нелепый, есть действительно лишь глаголивый, молящийся о том, чтобы Бог стал содейственником и служителем его суетностей. Скажу для примера: приступает кто-либо с молитвою к Богу, и не уразумев умом высоты того могущества, к какому приступает, сам того не понимая, оскорбляет сие величие срамными и низкими прошениями. Как если кто, по чрезвычайной бедности, или грубости, глиняные сосуды почитая для себя многоценными, а потом пришедши к царю, готовому раздавать богатства и чины, отложив в сторону прошения, какие прилично предлагать царю, станет у почтенного таким саном просить чтобы из глины лепил, что для него желательно; так и невежественно пользующийся молитвою не возносится сам до высоты Дающего, а напротив того желает Божественное могущество низвести до собственного своего низкого и земного пожелания, и поэтому страстные стремления простирает к Тому, Кто видит сердца, и простирает не

для того, чтобы уврачевал неуместные движения сердца, но чтобы соделалось оно еще худшим, когда лукавое сие стремление, при содействии Божиим, увенчается делом. Поскольку такой-то оскорбляет, и сердце к оскорбляющему расположено неприязненно, то говорит Богу: «порази его», как бы так вопия: «моя страсть да соделается и Твоею, моя злоба да перейдет и в Тебя». Как в человеческих битвах невозможно стоять за кого либо с одной стороны, не чувствуя вместе с гневающимся раздражения на противоположного; так, очевидно, и возбуждающий Бога против своего врага просит Его, чтобы вместе с ним прогневался, и стал участником в раздражении. А сие значит Божеству придти в страсть, уподобиться человеку и благое естество претворить в зверскую жестокость. Так славолубец, так по гордости желающий иметь у себя больше и больше, так усиливающийся одержать победу в судопроизводстве, так поспешающий получить венец в телесных борьбах, домогающийся одобрения на зрелищах, а часто и истощенный неистовою страстию юности – все они возносят моления к Богу не о том, чтобы освободиться от преобладающего ими недуга, но о том, чтобы болезнь в них достигла своего предела; и поскольку каждый из них не успевает в этом признает для себя несчастием, то подлинно они лишь глаголют, умоляя Бога, чтобы стал Он содейственником умственного их недуга: а что всего хуже, им желательно, чтобы Божество принимало противоположные стремления, деля Божию действенность на жестокость и человеколюбие; потому что, о Ком желают, чтобы милостив и кроток был к ним, Того же просят показать Себя жестоким и немилостивым к их врагам. Какое неразумие лишь глаголющих! Если Бог жесток к ним, то, без сомнения, не благосклонен и к тебе. А если, по надежде твоей, к тебе преклоняется на милость, то почему придет в противоположное расположение, переменяв милость на жестокость?

Но у любителей споров под руками на это возражение. Ибо в защиту своей жестокости немедленно представляют пророческие слова, и именно: Давида, желающего, «да погибнут» грешные (Пс.9:4), и молящегося о постыжении и посрамлении врагов (Пс.82:18); Иеремию, изъявляющего желание видеть «мщение» Божие на сопротивных (Иер.11:20), Осию, испрашивающего дать врагам «утробу не плодящую и сосцы сухие» (Ос.9:14), собирают и многое другое, рассеянное в разных местах священных Писаний, доказывая, что должно молиться об отмщении противникам и благодать Божию делать содейственницею своей жестокости. Но чтоб, как бы мимоходом, прекратить лишь глаголение по сему поводу уклоняющихся в противное, о каждом из упомянутых мест предложим мы следующее:

Ни один из действительно святых, вдохновенных Духом Святым, которых речения по Божественному смотрению написаны в назидание последующим родам, не окажется прилагающим речения о чем-либо худом. Но одна цель в их словах, она клонится к исправлению естества от вселившегося в нем порока. Посему, как молящийся, чтобы не было больных, не было нищенствующих, желает не смерти людей, а истребления болезни и нищеты: так и каждый из святых, молясь о том, чтобы пришло в уничтожение все враждебное и неприязненное естеству, только людям наиболее невежественным подает повод к такой мысли, будто бы святые ожесточены и раздражены против людей. Ибо Псалмопевец, сказав: «Да исчезнут грешники с земли, и

беззаконных да не будет более» (Пс.103:35), молится о том, чтобы исчезли грех и беззаконие; потому что не человек человеку враждебен, но порочным движением произвола соединенное с ним по естеству делается ему врагом. Посему Давид молится, чтобы исчезло зло; но человек – не зло. Ибо как быть злом подобно Благого? Так, если молится о постыждении и посрамлении врагов, то указывает сим тебе на полчище сопровитников, от невидимого врага нападающих на жизнь человеческую, о которых откровеннее выражается Павел, говоря, что у нас «брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф.6:12), к демонским козням, по которым представляются людям дурные случаи ко греху, приводящие в раздражение встречи, поводы к вожделениям, предлоги к зависти, ненависти, гордости, и подобным порокам. Видя, что все это злокозненно окружает душу каждого, великий Пророк, молящийся об отмщении сим врагам, молится, чтобы они были постыжены, то есть, чтобы спастись ему самому; потому что естественно побежденному в борьбе стыдиться своего падения, как и победившему радоваться победе. А что сие действительно так, дает разуметь вид молитвы. «Да постыдятся, – сказано, – и посрамятся ищущие душу мою» (Пс.34:4). Пророк молится об отмщении не тем, которые злоумышляют причинить ущерб имуществу, или спорят о пределах владения, или указывают какой-либо порок в его теле, но которые злоумышляют на душу. Злоумышление же на душу в чем ином состоит, как не в отчуждении ее от Бога? А душа человеческая не иначе отчуждается от Бога, как страстным расположением. Поскольку Божество всегда бесстрастно, то постоянно пребывающий в страсти отлучается от общения с Божеством. Потому, чтобы не потерпеть сего, Давид молится о постыждении противоборствующих. А сие не иное что значит, как испрашивать себе победы над сопровитниками. Сопровитники же эти суть страсти. Так и Иеремия, имея ревность о богочестии, поскольку тогдашний царь до безумия предан был идолам, а с ним вместе увлеклись и подданные, не собственную какую-либо врачует беду, но вообще о людях приносит моление, желая, чтобы ударом, какой наносится нечестующим, уцеломудрен был весь человеческий род. Так и Пророк, который видел тогда порок у Израильтян многоплодным, справедливо осуждает его на бесчадие, и желает, чтобы иссохли горькие сосцы греха, и чтобы зло не рождалось и не воспитывалось больше у людей. Посему и говорит Пророк: «дай им, Господи: что Ты дашь им? дай им утробу нерождающую и сухие сосцы» (Ос.9:14). И если у святых найдется другое какое подобное слово, которым выражается и означает некое раздражение, то, конечно, скрывается в нем та мысль, чтобы изгнано было зло, а не истреблен человек.

«Бог смерти не сотворил» (Прем.1:13). Слышишь этот решительный приговор! Посему, как же Пророк стал бы вымаливать смерти собственным врагам спроси у Бога, Которому чужда деятельность смерти? «Не **веселится Он о погибели живых**» (Прем.1:13). Только лишь глаголющий и желающий от собственных своих врагов отвратить Божие человеколюбие побуждает веселиться о человеческих бедствиях. Но говорят: иные удостоились уже начальства, почестей, богатства, употребив к сему молитву, и такую благоуспешностию подали о себе мысль, что они боголюбивы. Поэтому скажет

ктонибудь: как же запрещаешь нам возносить Богу моления о чем либо подобном? – Всякому, правда, известно, что все зависит от Божией воли, и настоящая жизнь устроится свыше, никто не станет и противоречить сему учению: однако же дознаем и другие причины таковой успешности молитвы, и без сомнения, не как благое, уделает сие Бог просящим; но чтобы в людях поверхностных утверждалась этим вера в Бога, и чтобы, познавая на опыте, как Бог внемлет нашим молениям, испрашиванием маловажного мало помалу возвысились мы со временем до пожелания даров высших и боголепных, как усматриваем это на детях своих. Пока они при матерних сосцах, сколько может вместить их природа, столько и требуют от родившей. Если же младенец возмужает, и получит при этом некоторую способность говорить, то не глядит уже на сосцы, а смотрит у матери на что-либо такое, как, например, или на волосы на голове, или на одежду, или на иное сему подобное, чем увеселяется детский глаз. Когда же придет в возраст, вместе с телом получит приращение и ум; тогда, оставив все детские пожелания, будет просить у родителей служащего к жизни совершенной. Так и Бог, всеми мерами приучая человека обращать взоры к Нему, для сего самого бывает нередко внимателен и к маловажным прошениям, чтобы благодеянием в малом получивший сию милость вызван был на пожелание высшего. Посему и ты, если такой-то человек, по Божию Промыслу, из невидных сделался известным и знаменитым, или приобрел что-либо другое, чего домогаются люди в этой жизни, начальство, или богатство, или блистательное положение, представляй себе цель этого, а именно, что Божие в этом человеколюбие служит для тебя доказательством великого Божия могущества, чтобы ты, получив детские игрушки, воссылал к Отцу прошения о важнейшем и совершеннейшем. А таково все, что приносит пользу душе. Ибо всего неразумнее будет, если приступающий к Богу станет просить Вечного о временном, Небесного – о земном, Всевышнего – о пресмыкающемся по земле, Дарующего небесное царство – об этом земном и низком благополучии, Наделяющего неотъемлемым – о кратковременном пользовании чужим достоянием, и отнятие которого необходимо, и наслаждение которым кратковременно, и распоряжение опасно.

Прекрасно изображает Господь сию несообразность присовокуплением, сказав, «как язычники». Ибо иметь попечение о видимом свойственно не предоставляющим для себя никакой надежды в будущем веке, ни страха суда, ни угрозы геенной, ни ожидания благ, ни чего-либо уповаемого по воскресении, – свойственно людям, которые, наподобие скотов, видят только настоящую жизнь, признают за благо одно то, что могут дать в удовлетворение гортани, чрева и прочих сладострастных требований тела. Или первенствовать между иными и заставить о себе думать, что ты выше прочих, или почивать на множестве талантов, или обладать чем иным, что только служит к житейскому обольщению, – свойственно таким людям, которым, кто скажет об уповании в будущем, тот кажется пустословом, как скоро начинает описывать рай и царство и небесную жизнь и подобное тому. Итак, поскольку не имеющим надежды свойственно прилепляться к жизни настоящей, то излишества и суеты пожелания, которых сластолюбцы надеются успешно достигнуть молитвою, прекрасно называет Писание свойственными язычникам,

думающим неотступностью нелепых прошений довести Божество до содействия, в чем недолжно. «Думают, – сказано, – что в многословии своем услышаны будут».

Но как из того, что нами исследовано, научились мы, чего не должно просить, так о том, какое моление надлежит приносить Богу, услышим в последующем, по благодати Господа Иисуса Христа. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.

Слово 2-е

Мф.6:9. Отче наш, сущий на небесах!

Когда великий Моисей приуготовлял Израильский народ к тайноводству на горе; тогда не прежде удостоил их богоявления, как предписав народу закон об очищении соблюдением плотской чистоты и омовением. Да и после сего не осмелились Израильтяне видеть явление Божия могущества, но в ужас приводило их все видимое, огонь, мрак, дым, трубы: и снова обратившись к себе самим, просили законодателя стать их посредником пред божественным изволением, так как у них не было достаточной силы приблизиться к Богу и перенести Божие присутствие. А наш Законоположник, Господь наш Иисус Христос, намереваясь привести нас к Божественной благодати, указывает нам словом не гору Синайскую, покрытую мраком и дымящуюся огнем, не гласы труб, звучащих что-то невнятное и страшное, и не соблюдением тридневной плотской чистоты, не водою, омывающею скверны, очистив душу, и всю церковь оставив при подошве горы, одному только позволяет взойти на вершину, покрытую мраком, скрывающим в себе Божественную славу; а напротив того, сперва вместо горы возводит на самое небо, соделав оное для людей удобопроходимым посредством добродетели; потом соделывает, не зрителями только, но и причастниками Божественной силы, и приступающих к Нему вводит некоторым образом в родство с превысшим естеством, и не мраком покрывает все превосходящую славу, чтобы неудобозримой была для ищущих, но, озарив мрак ясным светом учения, соделал, что чистые сердцем в полной ясности созерцают неизреченную славу. Дает же и воду для окропления, не из чуждых потоков почерпаемую, но текущую в нас самих, будет ли кто разумеет под нею источники очей, или чистую совесть сердца, – узаконив не допускать никакой тины порока; да и плотскую чистоту поставляет в воздержании, не от законного только общения супругов, но и от всякого вещественного и страстного расположения; и таким образом посредством молитвы возводит к Богу. Ибо такова сила речений, из которых, не какие-либо звуки, произносимые в слогах, дознаем из Божия слова, но предначертание восхождения к Богу, успешно приводимое в исполнение высокою жизнью.

Но из самых слов молитвы можно уразуметь Божественное тайноводство. «Когда мóлитесь» (Лк.11:2), говорит Господь. Не сказал: когда изрекаете обет (ἐυχησθε), но говорит: «когда мóлитесь» (προσεύχησθε) потому что надлежащее по обету должно быть уже исполнено прежде, нежели приступаешь к Богу с молитвою. Какое же различие в значении сих наименований? То, что обет (ευχη) есть объявление о чем-либо, по

благочестию посвящаемом в дар Богу; а молитва (προσευχη) есть прошение благ, уничижено обращенное к Богу. Итак, поскольку потребно нам дерзновение, когда приступаем к Богу, обращаясь с уничиженными прошениями о полезном для нас, то необходимо предшествовать исполнению того, что объявлено по обету, чтобы, совершив зависящее от нас, потом уже смелее изъявлять желание о получении воздаяния от Бога. Посему-то Пророк говорит: «воздам Тебе обеты (τας ευχας - обеты) мои, которые произнесли уста мои и изрек язык мой в скорби моей» (Пс.65:13-14), и еще: «помолитесь (ευξασθε - дайте обет) и отдавайте обеты Господу Богу вашему» (Пс.75:12). И во многих местах Писания можно видеть подобное значение слова: «ευχη» (обет), и поэтому знать, что обет, как сказано, есть благодарственное возвешение о принесении дара, а молитва означает приближение к Богу, по исполнении обещанного Ему. Посему Господне слово научает нас не просить чего-либо у Бога прежде, нежели что либо угодное Ему принесем Ему в дар. Ибо прежде надлежит совершить обет, и потом молиться; как иной скажет, что сеяние должно предшествовать собиранию плодов. Посему надлежит сперва посеять семена обета, и когда этот залог семян возрастет, собирать плоды, молитвою восприемля благодать. Посему, так как не будет дерзновения просить, если приступим без предварительного какого-либо обета, или дара; то молитве по необходимости да предшествует обет.

Посему, так как обет уже выполнен, Господь говорит ученикам: «когда молитесь, говорите: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Лк.11:2). «Кто даст мне крылья как у голубя» (Пс.54:7)? - говорит в одном месте псалмопения великий Давид. Осмелюсь и я сказать тоже слово: кто даст мне оные «**криле**», чтобы мог я воспарить умом на высоту величия сих речений, - и оставить всю землю, перейти весь разлитый в середине воздух, коснуться эфирной лепоты, достигнуть звезд, увидеть все их украшение, да и на них не остановиться, но миновать и это, стать вне всего движимого и изменяемого, объять естество постоянное, силу неподвижную, в себе самой водруженную и направляющую и поддерживающую все, что имеет бытие, все, что зависит от неизреченной воли Божией премудрости, чтобы, став мыслию вдали от всего изменяемого и превратного, в непреложном и неуклонном состоянии души, мог я сперва сродниться мыслию с Непреложным и Неизменяемым, потом призывать самым родственным наименованием и говорить: «Отче?» Ибо произносящему это какая потребна душа? Сколько нужно дерзновения? Какую надобно иметь совесть, чтобы, сколько возможно, познав Бога, примышленными Ему наименованиями руководясь к уразумению неизреченной славы, и дознав, что естество Божие, представляемое в себе самом, есть благость, святость, радование, сила, слава, чистота, вечность, то, что всегда то же и таково же, и все, что подобного сему представляется мыслию о Божием естестве, и уразумев при помощи божественного Писания и собственного рассудка, - потом уже осмелиться выговорить это слово, и такое Существо наименовать своим Отцом? Явно, что, если имеет кто сколько-нибудь разума, то, не усматривая в себе того же, что в Боге, не осмелится произнести к Нему слова сего, и сказать: «Отче». Ибо не естественно благому по сущности стать Отцом лукавого поступка, и святому - Отцом оскверненного по жизни, а

также Неизменяемому – Отцом превратного, Отцу жизни – Отцом умерщвленного грехом; Чистому и беспримесному – Отцом опозоривших себя страстями бесчестия, Благодетелю – Отцом любостяжателя, вообще Тому, Кого представляем во всяком добре – Отцом пребывающих в каком-либо зле. Если кто, видя себя имеющим еще нужду в очищении и порочную совесть свою признавая исполненную скверн и дурных отметок, прежде нежели очистился от таких и столь многих худых свойств, включит себя в родство с Богом, и неправедный Праведному, нечистый Чистому скажет: «Отче»: то речение сие прямо будет оскорблением и злословием, если только именуется он Бога Отцом собственной своей порочности. Ибо слово: отец означает причину от него происшедшего. Посему, если порочный совестью назовет Бога Отцом своим, то не иное что сим выскажет, а то, что Бог есть начало и виновник собственных его худых свойств. Но «какое общение света со тьмой» (2Кор.6:14), говорит Апостол: напротив того свет осваивается со светом, справедливое с справедливым, прекрасное с прекрасным, нетленное с нетленным. А противоположное, без сомнения, имеет сродство с однородным. Ибо «не может доброе дерево творить злые плоды» (Мф.7:18). Посему, если кто, как говорит Писание, «доколе будете любить суету и искать лжи» (Пс.4:3), осмеливается произносить слова молитвы, то пусть таковой знает, что призывает он отца не небесного, а преисподнего, который сам есть лжец и делается отцом лжи, возникающей в каждом, который есть грех, и отец греха. Посему-то Апостол имеющих страстную душу называет «чадами гнева» (Еф.2:3). И отступивший от жизни именуется «сыном погибели» (2Сол.2:3); а человек сластолюбивый и изнеженный назван сыном «негодным и непокорным» (1Цар.20:30), равно как напротив сего имеющие чистую совесть называются сынами света (Лк.16:8) и дня (1Сол.5:5), а другие, укрепившие себя до Божественной силы, и «сынами силы» (Суд.21:10).

Посему, когда Господь учит нас в молитве называть Бога Отцом, не иное что, кажется мне, делает, как узаконяет возвышенный и выпренный образ жизни; потому что истина учит нас не лгать, не говорить о себе того, чего в нас нет, не именовать себя тем, чем мы не были, но, называя Отцом своим Нетленного, Праведного и Благого, родство сие оправдывать жизнью. Поэтому видишь ли, сколько потребно нам приготовления, какая нужна жизнь, сколько и какой требуется тщательности, чтобы с возвышением нашей совести достигнуть такой меры дерзновения, и осмелиться сказать Богу: «Отче» Ибо если в виду у тебя деньги, если озабочен ты житейскою прелестью, если домогаешься людской славы, если служишь наиболее страстным пожеланиям, и потом приемлешь в уста такую молитву: что, думаешь, скажет Тот, Кто видит твою жизнь и слышит молитву? Такие, кажется мне, слышу слова, как бы Самим Богом изрекаемые подобному человеку: «и ты, растленный по жизни, называешь своим Отцом Отца нетления? Для чего нечистым своим голосом оскверняешь чистое имя? Для чего речение это употребляешь лживо? Для чего оскорбляешь не скверное естество? Если ты чадо Мое, то, без сомнения, и жизнь твоя должна носить на себе черты Моих благ. Не признаю в тебе образа Моего естества; черты твои противоположны. «Какое общение света со тьмой»! Какое сродство у жизни и смерти? Какая близость у чистого по естеству с нечистым? Велико расстояние между благодетелем и любостяжательным,

непримиримо противление милостивого с неумолимым. Иной отец злых в тебе свойств. Мои порождения украшаются добрыми отеческими качествами, сын милостивого милостив, чистого – чист, нетленного – чужд растления, и вообще благого – благ, правдивого – правдив. А вас не знаю, откуда вы». Посему, пока не стали мы чистыми по жизни, опасно отваживаться на сию молитву, и Бога именовать Отцом своим.

Но вслушаемся еще в слова молитвы, при частом их повторении не уразумеем ли сколько-нибудь сокровенного в них смысла? «Отче наш, Сущий на небесах». Что добродетельною жизнью надлежит усвоить себя Богу, достаточно исследовано это нами в предыдущих словах. Но кажется мне, что слово Писания указывает и на некий более глубокий смысл: ибо им напоминается нам, из какого отечества мы ниспали, и какого благородства лишились. Повествованием о юноше, оставившем отеческий дом и предавшемся свинообразной жизни, Писание, исторически описывая его удаление и распутную жизнь, показывает бедственное состояние человечества, и не прежде возвращает сего юношу в первоначальное состояние, как по восчувствовании им настоящего бедствия, когда пришел в себя, и привел себе на мысль слова покаяния. А они согласны несколько с словами молитвы. Ибо там сказал юноша: «отче! я согрешил против неба и пред тобою», но не упомянул бы в исповедании о грехе на небо, если бы не был уверен, что небо – его отечество, оставив которое, он впал в согрешение. Посему-то помышление о таком исповедании делает ему доступным отца; почему спешит он к сыну, приветствует лобзанием выи, что означает словесное иго, посредством евангельского предания устами возлагаемое на человека, свергнувшего с себя прежнее ярмо заповеди и отринувшего охранительный закон; потом возлагает на него «одежду», не иную, но «первую», от которой обнажен был преслушанием, вместе с вкушением запрещенного увидев себя обнаженным. А «перстень на руку» изображением, сделанный на обводе, означает возвращение образа: и ноги обезопасивает отец «сапогами», чтобы, обнаженною пятою приближаясь к голове змия, не подверглись угрызению (Лк. 15:21-22). Посему, как там причиною оказанного юноше отцом человеколюбия послужило возвращение его в отеческий дом (а это есть «небо», согрешившим «на» которое признает себя пред отцом): так, кажется мне, и здесь Господь, научая призывать Отца, «Сущего на небесах», делает тебе напоминание о благом отечестве, чтобы, возбудив сильнейшее пожелание прекрасного, поставить тебя на путь, снова ведущий в отечество.

Путь же, возводящий человеческое естество на небо, не иное что, как отступление и бегство от земных зол; а средством к избежанию зол, не иное что, думаю, служит, как уподобление Богу; и уподобиться Богу значит сделаться праведным, святым, благим, и всем сему подобным. Если кто, сколько возможно, ясно напечатлеет в себе черты сих совершенств, то как бы по естественному порядку, без труда из земной жизни переселится в страну небесную; потому что не местное какое расстояние у Божества с человечеством, так что была бы нам потребность в каком-нибудь орудии или примышлении, чтобы эту тяжелую, обременительную и земную плоть ввести в образ жизни не телесной и духовной. Но, по разумном отлучении добродетели от порока, от одного человеческого произволения зависит – быть человеку там,

куда преклонен пожеланием. Посему, так как никакого нет труда избрать доброе, а за избранием следует и приобретение того, что кем избрано: то возможно немедленно быть на небе и тебе, объявшему умом своим Бога. Если, как говорит Екклесиаст, «Бог на небе» (Еккл.5:1), а ты, по слову Пророка, «прилепился к Богу» (Пс.72:28), то по всей необходимости должно тому, кто в единении с Богом, быть там, где Бог.

Посему, предписав в молитве говорить, что Бог Отец наш, не иное что повелевает, как боголепною жизнью уподобляться Отцу небесному; так как и в другом месте яснее заповедует сие же самое, говоря: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф.5:48). Итак, если уразумели мы смысл таковой молитвы, то время уже уготовать души свои к тому, чтобы со временем осмелиться воспринять устами сии речения и с дерзновением сказать: «Отче наш, Сущий на небесах».

Как явны признаки уподобления Богу, по которым каждому можно соделаться чадом Божиим; ибо сказано: «а тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими» (Ин.1:12), приемлет же в себя Бога, кто восприемлет совершенство в добре: так и у лукавого нрава есть некие особые признаки, и кто имеет их, тому невозможно быть сыном Божиим, нося в себе образ противоположного естества. Угодно ли знать отличительные свойства лукавого нрава? Это – зависть, ненависть, клевета, кичливость, любостыжательность, страстное пожелание, недуг славобесия: сим и подобными сему чертами отличается образ сопротивника. Посему, если подобными сквернами очернивший душу будет призывать отца, то какой отец услышит его? Очевидно состоящий в родстве с призвавшим, а этот отец – не небесный, но преисподний. Признаки близости с кем носит на себе человек, тот и признает несомненно родство свое с ним. Итак молитва человека порочного, пока он в пороке, бывает призыванием диавола; а кто оставил порок, и живет в благодати, того глас призывает благого Отца.

Поэтому, когда приступаем к Богу, будем сперва обращать внимание на жизнь свою, имеем ли в себе что-либо достойное Божественного родства, и потом уже осмеливаться на произнесение такового слова. Повелевший сказать: «Отец» не дозволил говорить ложь. Посему, кто жил достойно божеского благородства, тот прекрасно возводит взор к небесному граду, небесного Царя именуя Отцом и небесное блаженство – отечеством. К чему же клонится цель сего совета? К тому, чтобы мудрствовать нам горняя; где Бог, там полагать основание своего жилища, там собирать сокровища; туда переселиться сердцем своим; «ибо где сокровище ваше, там... и сердце ваше» (Мф.6:21), и непрестанно иметь в виду отеческую лепоту и сообразно с оною украшать собственную душу. «Ибо нет лицепрятия у Бога» (Рим.2:11), говорит Писание. И от твоего образа да будет удалена такая нечистота. Божество непричастно зависти и всякой скверны, и на тебе да не кладут пятна подобные страсти: ни зависть, ни кичливость, ни что-либо другое, оскверняющее богоподобную лепоту. Если сделаешься таковым, то смело гласом своим призывай Бога, и Владыку вселенной именуя Отцом своим. Он воззрит на тебя отеческими очами, облечет тебя в божественную одежду, украсит перстнем, и ноги твои для шествия горе снабдит евангельскими сапогами, восстановит тебя в небесное отечество, о Христе Иисусе Господе нашем. Ему подобает слава и

держава во веки веков! Аминь.

Слово 3-е

Мф.6:9-10. Да святится Имя Твое; да придет царствие Твое.

Закон, «имея тень будущих благ» (Евр.10:1), и некими преобразовательными гаданиями провозвещающий истину, когда во святилище вводит священника для принесения молитвы Богу, сперва очистительными некими жертвами и кроплениями очищает входящего, потом, украсив священнической одеждою, благолепно испещренною золотом, багряницею и красками других цветов, возложив на него наперсник и увясло, прицепив к краям одежды звонки с пуговицами; – а на раменах состегнув верхнюю одежду, и главу приукрасив диадемою, обильно излив миро на волосы, вводит его наконец во святилище, совершать таинственные священнодействия.

Духовный же законоположник, Господь наш Иисус Христос, обнажая закон от телесных покрывал и приводя в ясность гадательный смысл прообразов, во-первых, не одного только избирает из целого народа, вводит в собеседование с Богом, но всякому равно дарует сие достоинство, предложив желающим общую благодать священства; а потом не заимствованным убранством, найденным в какой-либо краске и ткацком ухищрении, придает искусственную красоту священнику, но возлагает свойственное и сродное ему украшение, вместо разнообразно испещренной одежды, делаая цветоносным приятностями добродетелей; и грудь украшает, не земным золотом, но непорочною и чистою совестью придавая лепоту сердцу. К увяслу же сему приновляет и блеск драгоценных камней, а это, по мнению Апостола, – светлости святых заповедей. Да и надрагами обезопасивает ту часть, которой украшением служит такой вид одеяния; конечно же не не знаешь, что украшение таковой части – покров целомудрия. Привесил к рясам жизни духовные звонки, и пуговицы, и цветы (Исх.28:34), а под ними иной справедливо может разуметь видимое в добродетельной жизни, чтобы прохождение сей жизни соделалось славным; а посему к рясам сим вместо звонка придал благозвучное слово веры, а вместо пуговицы – сокровенную готовность к надежде на будущее, прикрытую суровою жизнью, и вместо цветов доброцветную красоту рая; таким вводит его во святилище и внутренность храма. Святилище же это не неодушевленное, и не рукотворенное, но сокровенная храмина нашего сердца, если действительно она непроницаема для порока, и недоступна лукавым помыслам. Главу украшает небесным мудрованием, не изображение букв начертан на золотой лжице, но самого Бога изобразив во владычественном рассудке. А на волосы разливает миро, душою внутри себя самой составленное из добродетелей; и уготовляет его к принесению Богу, в таинственном священнодействии, в благоухание и жертву не чего-либо иного, но себя самого. Так возведенный Господом в сие священство, умертвив плотское мудрование мечем духовным, «который есть Слово Божие» (Еф.6:17), потом пребывая во святилище, умилоствует Бога, таковою жертвою посвятив себя самого и представив «тело» свое «жертву живую, святую, благоугодную Богу» (Рим.12:1). Но, может быть, скажет кто либо, что смысл молитвы, предложенной нами для истолкования, по первому

взгляду не имеет сего значения: а нами придуманы подобные понятия, не соответствующие понятиям, заключающимся в собственных словах молитвы. Посему пусть таковой снова приведет себе на память первые уроки молитвы. Ибо кто приуготовил себя к тому, чтобы с дерзновением осмелиться наименовать Бога отцом своим; тот в точности облечен тою одеждою, какая описана в слове, звучит звонцами, цветет пуговицами, блистает на персях лучами заповедей, на раменах носит патриархов и Пророков, вместо имен обратив добродетели их в собственное свое украшение; и главу украшает венцом правды; власы имеет умашенные небесным миром; и пребывает внутри пренебесного святилища, которое поистине непроницаемо и недоступно для всякого нечистого помысла. Но как надлежит приуготовлять себя посвящаемому, достаточно показано сие словом в исследованном доселе, остается же рассмотреть самое прошение, какое пребывающему внутри святилища Господь повелел возносить к Богу. Ибо кажется мне, что излагающий просто слова молитвы по первому взгляду не доставляет нам удобопонятного смысла. Сказано: «да святится имя Твое: да придет царствие Твое». Как относится это к моей потребности? скажет иной человек, или покаянием наказывая себя за грехи, или, чтобы бежать от преобладающего им греха, призывая на помощь Бога, потому что всегда пред очами у него поборающий искушениями. Здесь раздражительность выводит рассудок из упорядоченного состояния; там пожелания неуместного ослабляют силы души; в другой раз наводят слепоту на зоркость сердца любостыжательность, кичливость, гордыня, ненависть и остальная толпа противоборствующего нам, подобно какому-то полчищу вокруг обступивших врагов, при самой крайности свергают душу в опасность. После этого старающемся, при благом содействии, избавиться от сих зол какие всего пригоднее употребить слова? Не те ли, которые употребил великий Давид, сказав: «да избавлюсь от ненавидящих меня» (Пс.68:15), и еще: «да возвратятся враги мои вспять» (Пс.34:4), и еще: «подай нам помощь в тесноте» (Пс.59:13), и другие сим подобные, которыми можно восставить Божие против врагов содействие? Теперь же что говорит закон молитвы? «Да святится имя Твое». Если и не будет это мною сказано, ужели возможно имени Божию не быть святым? «Да придет царствие Твое». Что же изъято из-под власти Бога, Который, как говорит Исаия, объемлет дланью все небо, горстью всю землю, рукою содержит влажное естество, в объятиях носит всю и этого мира и премирную тварь (Ис.40:12)? Посему, если имя Божие всегда свято, ничто не избегло державы владычества Божия, но всеми обладает, и в святине не требует прибавлений, во всем нескудный и совершенный: что выражает молитва словами: «да святится имя Твое: да придет царствие Твое?»

Писание под видом молитвы не учит ли, может быть, чему-либо такому: природа человеческая для приобретения чего-либо доброго немощна, и потому о каком бы добре ни заботились, не достигали бы мы оно, если бы не совершало сего в нас Божие содействие. А главное для меня из всех благ то, чтобы жизнью моею прославлялось имя Божие.

Вразумительнее же сделается для нас этот смысл чрез предположение противного. Слышу, что священное Писание осуждает где-то тех, которые делаются виновниками хулы на Бога. Ибо сказано: горе тем, «ради которых

имя Мое хулятся среди язычников» (Ис.52:5). А сие значит: не уверовавшие еще слову истины взирают на жизнь приявших веру в таинство; а посему, когда иные носят на себе имя веры, а жизнь их противоречит имени, или идолослужительствуя любостыжательностью, или бесчинствуя в пьянстве и на пиршествах, или, наподобие свиней, валяясь в тине распутства: тогда у неверных тотчас готов отзыв, осуждающий не произвол худо пользующихся жизнью, но таинство, как будто оно учит поступать таким образом, и будто бы такой-то человек, посвященный в божественные таинства, не сделался бы или злоречивым, или любостыжательным, или хищником, или подверженным иному какому пороку, если бы грешить не было для них законно. Посему-то Писание обращается к таковым с строгою угрозою, говоря: горе тем, ради которых «имя Мое хулятся».

Если это понято нами, то благовременно будет обратить внимание на то, что говорится с противной стороны. Ибо прежде всего, думаю, надлежит молиться и главным предметом молитвы поставлять то, чтобы жизнью моею имя Божие не хулилось, но прославлялось и святилась вера в таинство. Посему во мне, говорит молящийся, «да святится» призываемое мною «имя» Твоего владычества, «чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф.5:16). А кто столько звероподобен и неразумен, что, в верующих в Бога видя жизнь чистую, преуспевающую в добродетели, свободную от всех скверн греха, чуждую всякого подозрения в худом, сияющую целомудрием, достойную уважения за благоразумие, мужественно отражающую приражения страстей, нимало не расслабляемую телесным сладострастием, всего более удаляющуюся от забав, неги и кичливой суетности, столько пользующуюся житейским, сколько сие необходимо, концами только ножных перстов касающуюся земли, во время пребывания на земле не утопающую в наслаждениях удовольствиями сей земной жизни, но стоящую выше всякого чувственного обольщения и в жизни плотской соревнующую жизни бесплотных, признающую единственным богатством приобретение добродетели, единственным благородством – усвоение себя Богу, единственным достоинством и единственным владычеством – обладание самим собою, и не раболепство человеческим страстям, обременяющуюся продолжительностью жизни в вещественном веке, и подобно бедствующим на море, поспешающую в пристань сретить там успокоение – кто, видя все сему подобное, не прославит имени, призываемого такую жизнью.

Посему, кто говорит в молитве: «да святится имя Твое» во мне, тот, по силе произносимых им слов, молится о следующем: «при содействии Твоей помощи да соделаюсь не укоризненным, справедливым, богочестивым, буду воздерживаться от всякого лукавого дела, говорить истину, делать правду; ходить по правоте, отличатьсь целомудрием, украшаться нерастлением, мудростию и благоразумием, мудрствовать горнее, презирать земное, просиявать ангельским житием». Сие и подобное сему содержит в себе это краткое прошение, в молитве взывающее Богу: «да святится имя Твое». Ибо не иначе возможно Богу прославляться в человеке, как разве, когда добродетель его свидетельствует, что причина благ в Божием могуществе.

В последующих словах заключается молитва о том, чтобы пришло царствие Божие. Ужели теперь только желательно, чтобы соделался царем Царь

вселенной, всегда Тот же, каким Он есть, для всякого изменения непреложный, Кому невозможно и найти что-либо лучше, во что мог бы измениться? Посему что же значит молитва, призывающая царствие Божие? Но истинное о сем понятие ведомо тем, кому Дух истины открывает сокровенные тайны; а мы имеем такое разумение сего изречения: выше всего одна истинная власть и сила, которая державствует и царствует во вселенной, не насилием каким, не самоуправным властительством, не страхом, не принуждениями приводящая в подчинение, что покорено ей: потому что добродетели надлежит быть свободною от всякого страха, не по жестокому над собой владычеству, но по добровольному рассуждению избирать доброе; а главное во всяком добре – состоять под животворною властью. Посему, так как природа человеческая в суждении о добре обманом введена в заблуждение, то в произволении нашем произошла склонность к противоположному, жизнь человеческая преобладается всем худым, потому что смерть тысячами путей вмещалась в природу; всякий вид греха делается как бы каким путем к нам смерти. Посему, так как состоим под таким самоуправством, как бы какими исполнителями казней или врагами, приражениями страстей поработаны смерти: то хорошо молимся, чтобы пришло к нам царствие Божие. Ибо невозможно иначе свергнуть с себя лукавое владычество тления, пока не воспримет над нами снова владычества животворящая сила.

Посему, если просим, чтобы пришло к нам царствие Божие; то в действительности умоляем Бога о следующем: «да избавлюсь я от тления, да освобожусь от смерти, да буду разрешен от уз греха, да не царствует более надо мною смерть, да не будет более действительным над нами самоуправство порока, да не преобладает мною враг, да не водит меня пленником, поработая грехом; но «да придет» на меня «царствие Твое,» чтобы отступили от меня, или, лучше сказать, обратились в ничто преобладающие и царствующие ныне страсти. «Как рассеивается дым, Ты рассей их; как тает воск от огня, так нечестивые да погибнут от лица Божия» (Пс.67:3). И дым, разлившись в воздухе, не оставляет по себе никакого признака собственного своего естества; и воска, побывавшего в огне, уже не найдешь. Но и воск, напитав собою пламень, претворился в пар и в воздух; и дым пришел в совершенное уничтожение. Так, когда придет на нас царствие Божие, тогда все, преобладающее нами теперь, обратится в ничто; потому что тьма не терпит присутствия света: не остается болезни по возвращении здоровья: не действуют и страсти при появлении бесстрастия; бездейственна смерть, исчезает тление, когда воцаряется в нас жизнь, и начинает обладать нетление.

«Да придет царствие Твое». Какое сладостное изречение! Им ясно приносим Богу следующее моление: «да рассыплется сопротивная сила, да уничтожится дружина иноплеменников, да прекратится борьба плоти с духом, да не служит тело прибежищем неприятелю души, да явятся на мне царственное владычество, ангельская рука, тысячи исправляющих, тьма помогающих с правой руки, чтобы с противной стороны пала тьма враждующих. Сопротивник силен; но страшен и непреборим для лишенных Твоей помощи. пока побораемый им один. А как скоро откроется Твое царствие, «а печаль и воздыхание удалятся» (Ис.35:10), на место же их входят жизнь и мир, и радование. Или, как яснее истолкована нам та же мысль Лукою, кто просит,

чтобы пришло царствие, тот взывает о содействии Святого Духа. Так в Евангелии от Луки, вместо слов: «да придет царствие Твое,» сказано: да придет Святой Дух Твой на нас, и очистит нас.

Что скажут на это дерзко отверзающие уста свои на Духа Святого? По какому разумению царственное достоинство превращают они в рабское уничижение? Лука называет Духом Святым, что Матфей наименовал царством; почему естество Духа низводят в подчиненную тварь, естество царственное причисляя к естеству, подвластному царской власти? Тварь рабствует, а рабство – не царская власть. Дух же Святой есть царствие. А если царствие, то, без сомнения, царствует, а не под царскою властью: но что не под царскою властью, то не тварь; потому что твари только свойственно быть в рабстве. Посему, если Дух есть царствие, то почему причисляют Его к естеству рабственному не научившиеся еще молиться, незнающие, кто очищает оскверненное, Кому принадлежит держава царства?

Сказано: да придет Святой Дух Твой, и очистит нас. Посему особая и преимущественная сила и действенность Святого Духа – очищать от греха. Ибо чистое и неоскверненное, конечно, не имеет нужды в очищающем. Но сие же самое свидетельствует Апостол и об Единородном, когда говорит: «совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола) величия на высоте» (Евр.1:3) Отцова. Посему одно дело у Того и Другого, у Духа очищающего грех, и у Христа, соделавшегося очищением. А у кого одно действие, у тех, конечно, и сила одна и та же; потому что всякое действие есть следствие силы. Поэтому, если и действие одно и сила одна, то как можно представлять себе инаковость естества у тех, у кого не находим никакой разности ни в силе, ни в действе? Как по свойствам огня, когда два сии действия светить и сжигать равны и подобны, нельзя заключать о видоизменении предмета: так и никто из целомудренных наученный божественным Писанием, что одно действие Сына и Духа, не дойдет до того, чтобы предполагать какое либо различие в естестве.

Но ныне мнениями благочестивых предварительно уже доказано, что естество Отца и Сына одно и то же; ибо инородному не возможно называться именем Божиим; как скамья не называется сыном плотника, и никто из здравомыслящих не скажет, что домоздатель построил сына; напротив того наименованиями отец и сын означает единение их по естеству. Когда два существа состоят во взаимном свойстве с третьим, по всей необходимости надлежит не иметь им различия и одному с другим. Посему, если Сын по естеству в единении с Отцом, а тождеством действ доказано, что Дух Святой не чужд естества сыновнего: то вследствие сего оказывается, что естество Святой Троицы едино, между тем как в каждой Ипостаси личное свойство, по преимуществу в ней усматриваемое, не сливается, и отличительные признаки между собою не перемешиваются так что признак Отчей Ипостаси не переносится на Сына или Духа, или также признак Сына не применяется к Отцу и к Духу, или личное свойство Духа не обнаруживается в Отце и в Сыне. Но в общности естества усматривается несообщимое различие особенностей. Отцу свойственно безвиновное бытие. Сего нельзя видеть в Сыне и в Духе; потому что Сын от Отца изошел (Ин.16:28), как говорит Писание, и Дух от Бога (1Кор.2:12) и «от Отца исходит» (Ин.15:26). Но как сие – иметь безвиновное бытие, будучи свойством одного Отца, не может прилагаться к Сыну и к Духу; так

наоборот и сему – иметь бытие от вины, что свойственно Сыну и Духу, неестественно быть усматриваемым в Отце. А как общее свойство Сына и Духа – не быть не рожденным, то, чтобы не усматривалось в Них какой-либо слитности, можно опять найти не смешиваемое различие в их личных свойствах; так что и общее сохраняется, и особенные свойства не сливаются. Ибо Сын в Святом Писании именуется Единородным от Отца, и сим Писание ограничивает личное свойство Сына. О Святом же Духе говорится, что Он от Отца, и свидетельствуется, что Он есть сыновний. Ибо сказано: «Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим.8:9). Посему, хотя Дух, сущий от Бога, есть и Христов Дух, однако же Сын, сущий от Бога, не есть и не называется Сын Духа: и относительная сия последовательность не имеет места в обратном порядке, так что можно было бы, равным образом разложив речь, превращать ее, и как Духа называем Христовым, так и Христа именовать Духовым. Посему, так как свойство сие ясно и не слитно отличает одно Лице от другого, а тождество действия свидетельствует об общности естества, то тем и другим подтверждается благочестивое положение о Божестве, что исчисляется Троица по ипостасям, и не рассекается на иноестественные отделы.

Посему, каково же безумие сих духоборцев. которые учат, что Господь – раб, для которых не верно и свидетельство Павла, когда говорит, что «Господь Дух есть» (2Кор.3:17). Или, может быть, слово: «да придет», почитают унижающим достоинство? Не слушают, значит, и великого Давида, который призывает к себе даже Отца, и вопиет: «приди и спаси нас» (Пс.79:3). Если для Отца придти – дело спасительное, то почему для Духа придти – дело унижительное? Или и это – очищать от грехов поставляют признаком унижения достоинства? Послушай неверных Иудеев, которые вопиют, что отпускать грехи свойственно Единому Богу, рассуждая об Отце, говорят: «кто это, который богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога» (Лк.5:21)? Посему, если грехи оставляет Отец, возьмет же на Себя грех мира Сын (Ин.1:29), и от греховной скверны очищает Дух Святой тех, в ком пребывает Он: что скажут на сие противоборствующие собственной своей жизни?

Но да придет на нас Дух Святой, и да очистит нас, и да соделает способными к принятию возвышенных и боголепных понятий, указуемых нам в молитве гласом Спасителя. Ему слава во веки веков! Аминь.

Слово 4-е

Мф.6:10-11. Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день.

Слышал я одного врача, который по науке естествословия рассуждал о состоянии здоровья; рассуждения его не будут, может быть, далекими и от нашей цели – благосостояния души. Уклонение какой-либо в нас стихии от надлежащей меры определял он началом и причиною болезненного состояния; и наоборот также утверждал, что находящегося в неправильном движении восстановление в состояние, тому свойственное и естественное, есть врачевание от болезнетворной причины. И посему полагал, что должно обращать внимание на то именно из движимого в нас беспорядочно,

преобладанием чего влияние противоположного на восстановление здоровья всего более делается слабым. Так, если возобладает теплота, должно оказывать содействие преобладаемому и увлажнять иссушаемое, пока теплое, потребляя само себя, при недостатке вещества, совершенно не истощится и само собою не угаснет. А также, если и другое что из оказывающего в нас противоположные одно другому действия преступит предел, надобно подавать искусственную помощь умаляемому, чтобы оно противостояло умножаемому. И когда это сделается, ничто не будет препятствовать равновесию стихий; тогда телу возвратится здоровье, потому что в естестве нет уже неправильного срастворения стихий.

К чему же служит у меня это длинное вступление в слово? Не без цели, может быть, такое начало и недалеко от предположенного предмета. Ибо рассмотрению нашему подлежат слова: «да будет воля Твоя». Для чего же упомянули мы о сем врачебном положении, объясняя это в последующем. Духовное в человечестве было некогда здраво, потому что некие стихии, разумею душевные движения, растворены в нас были равномерно по закону добродетели. Когда же усилилась способность вожделевательная, расположение, представляемое ей противоположным, а это есть воздержание, стало преобладаемо избыточествующим; и не было уже ничего препятствующего неумеренному движению вожделения, к чему не должно; тогда в человеческом естестве произошла от сего смертельная болезнь – грех. Посему истинный Врач душевных страданий, ради одержимых болезнью вступив в жизнь человеческую, молитвенными речениями ослабляя болезнетворную причину, возводит нас в духовное здравие. Здравием же для души служит исполнение Божественной воли, равно как и наоборот, отпадение от благой воли есть болезнь души, оканчивающаяся смертью. Посему, так как сделались мы немощными, когда в раю, оставив добрый образ жизни, без меры вкусили яда преслушания, и потому природою нашею возобладала жестокая и смертельная болезнь: то пришел истинный Врач, по закону врачебного искусства исцеляющий зло противоположным ему, и одержимых недугом потому, что отступили от Божией воли, освобождает опять от болезни единением с Божией волею. Ибо слова молитвы служат врачеванием от постигшего душу недуга. У кого душа одержима, как бы некими болезнями, тот молится, говоря: «да будет воля Твоя». А воля Божия – спасение людей.

Посему, когда дойдем до того, чтобы сказать Богу: «да будет воля Твоя» и на мне: тогда совершенно необходимо осудить прежде ту жизнь, которая была несогласная с Божией волею, и выразить сие исповеданием: «поскольку во время протекшей жизни на зло мне действовала во мне противная Твоей воля, соделался я служителем лукавого мучителя, и как бы исполнителем казни, приводящим в исполнение над самим собою приговор врага: посему, возбуждись жалостью к моей гибели, даруй, чтобы со временем и во мне совершалась воля Твоя. Ибо, как в мрачных пещерах, когда вносится туда свет, мрак исчезает: так, когда Твоя воля во мне будет совершаться, всякое лукавое и неуместное движение произвола обратится в ничто. Целомудрие угасит невоздержное и страстное стремление ума, смиренномудрие истребит кичливость, скромность уврачуе болезнь гордыни, а доброта любви изгонит из души многочисленный сонм противоположных зол; бегут от нее ненависть,

зависть, негодование, гневное движение, раздражительное расположение духа, злонамеренность, притворство, памятование огорчения, жажда мщения, воскипение крови в предсердечии, недоброе око, – все это стадо таковых зол уничтожится любвеобильным расположением». Так действенность Божией воли исторгает сугубое идолослужение; называю сугубым, как неистовую приверженность к идолам, и как вожделение серебра и золота – этих, как наименовало их пророческое слово, идолов «язык» (Пс.113:12). Посему «да будет воля Твоя», чтобы стала недействительною воля диавола.

Но почему просим у Бога, чтобы произволение наше соделалось благим? Потому что естество человеческое, однажды приведенное в расслабление пороком, немощно для добра. Ибо человек не с тою же легкостью, с какою доходит до худого, возвращается от него опять к доброму; как подобный сему закон можем примечать и в телах, потому что неодинаково, не с равным удобством, здоровое тело делается больным, и заболевшее выздоравливает. Пользовавшийся дотолы здоровьем часто от одной раны приходил в крайнюю опасность, и один оборот или припадок горячки истреблял всю силу в теле, малый прием яда или совершенно разрушал тело, или производил это постепенно, и за угрызением пресмыкающегося, или за ужалением одного из ядовитых животных, или за поползновением ноги, или западением, или за вкушением с жадностью чего-либо сверх силы, или за иным тому подобным, мгновенно следовала или болезнь, или смерть; освобождение же от недуга, если когда и бывает, то при скольких достигается примышлениях, затруднениях и врачебных искусственных средствах? Посему, когда действует в нас стремление к злу, нет потребности в содействующем, потому что порок сам собою довершает себя в воле нашей. Если же возникает склонность к лучшему; то потребно, чтобы пожелание Бог привел в исполнение. Посему говорим: поскольку целомудрие – Твоя воля, «а я плотян, продан греху» (Рим.7:14): то Твоею силою да преуспеет во мне благая сия воля. То же говорим о справедливости, о благочестии, об отчуждении от страстей. Слово: воля объемлет собою все вообще добродетели, словами же: воля Божия означает по одиночке все, разумеемое под именем доброго.

Но что значит сие прибавление: «как на небе, так и на земле?» Слово сие, как мне кажется, указывает, может быть, на один из более глубоких догматов, и составляет учение боголепного разумения при взгляде на тварь. Смысл же того, о чем говорю, таков: вся разумная тварь делится на естество бесплотное и на облеченное телом. Бесплотное естество есть ангельское, а другой вид естества – мы люди. Посему первое духовно, как отрешенное от бременищающего тела (разумею же тело это грубое и к земле тяготеющее), проходит горний жребий, по легкости и удободвижности естества пребывая в странах легких и эфирных. А другое, по сродству нашего тела с оземленевшим, по необходимости получило в удел, как бы некий отстой грязи, жизнь земную. Не знаю, что устрояла этим Божия воля, то ли, чтобы всю тварь сблизить между собою, чтобы и дольний жребий не был безучастным в небесных высотах, и небо не вовсе было безучастно в том, что на земле, но вследствие образования человеческого естества из обеих стихий происходило некое общение усматриваемого в той и другой стихии, так как духовная часть души, которая, по видимому, есть нечто сродное и одноплеменное с небесными силами,

обитает в земных телах, и оземленевшая сия плоть, при изменении тленных и восхищении праведных, вместе с душою переселится в небесную область? Ибо «восхищены будем, – как говорит Апостол, – на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1Сол.4:17). Поэтому сие, или иное что устроила сим Божия премудрость, – все разумное естество, по двоякой сей жизни, делится на части, и естество бесплотное прияло в свои жребий небесное блаженство, а другое, по причине плоти, обитает на земле, по сродству с нею. Хотя вождение прекрасного и доброго равномерно осуществлено в том и другом естестве, и Правитель вселенной в обоих соделал равными самоуправление, самовластие и свободу от всякой необходимости, чтобы все одаренное словом и разумением распоряжалось собою по samozаконному некоему произволу: однако же жизнь горняя во всем хранит себя чистою от порока, и с нею несовместно ничто представляющееся противоположным, всякое же страстное движение и расположение, которым подвержен род человеческий, приводит в кружение жизнь дольную. Посему житие святых сил на небесах богодухновенное слово признает не имеющим примеси порока и чистым от всякой греховной скверны. Все же, что умышлением худого и отступлением от доброго превращается в зло, подобно какому-то отстою или грязи, стекается в эту обыкновенную жизнь; и оскверняется человеческий род, находя в этой тьме препятствие к тому, чтобы усматривать Божественный свет истины. Посему, если высшая жизнь бесстрастна и чиста, а здешняя бедственная жизнь погружена во всякие страсти и злострадания: то явно, что горнее житие, как чистое от всего худого, преуспевает в благой воле Божией; ибо где нет зла, там по всей необходимости добро. А наша жизнь, утратив общение в добре, отпала и от Божией воли. Посему научаемся мы в молитве, в такой мере очищать нашу жизнь от худого, чтобы, как в небесном жительстве, и в нас беспрепятственно управляла Божия воля, так чтобы можно было иному сказать: «как в престолах, началах, властях, господствах, и во всякой премирной силе совершается Твоя воля, и никакой порок не препятствует действию добра: так и в нас да совершается доброе, чтобы, но истреблении всякого порока, в душах наших, благоуспешно исполнялась во всем Твоя воля».

Но возразит кто нибудь: возможно ли в той чистоте, какая в бесплотных силах, преуспевать получившим в удел жизнь во плоти, когда душа по телесным потребностям погружена в тьмы забот? – Посему-то, кажется мне, как бы устраняя таковую невозможность, Господь в последующих словах разрешает кажущееся затруднительным в предстоящем деле. Ибо сими словами, в повелении просить насущного хлеба, предлагается нам, думаю, учение, что довольство малым и умеренность по закону бесстрастия равняется тому, чтобы не иметь ни в чем нужды по естеству. Ангел не просит в молитвах Бога о подаении ему хлеба, потому что одарен естеством, не имеющим нужды в чем-либо подобном; а человеку повелено просить, потому что делающееся пустым непременно имеет нужду в наполняющем. Скоротечен и преходящ состав человеческой жизни, вместо отделившегося требует возобновляющего. Посему, кто в услуживании естеству, не увлекается сверх необходимости суетными заботами, тот не много ниже ангельского чина по жизни, в довольстве для себя малым подражая Ангелам, ни в чем не имеющим нужды.

Посему повелено нам домогаться только остаточного к сохранению телесной сущности, говоря Богу: «дай хлеб нам насущный» – то есть дай не забавы, не богатство, не доброцветные багряницы, не золотые уборы, не блеск камней, не серебряные сосуды, не обширные поместья, не военачальство, не владение городами и народами, не стада коней и волов, и великое множество другого скота, не обилие невольников, не знаменитость на торжищах, не памятники, не изображения, не шелковые ткани, не увеселения музыкой, и ни что либо сему подобное, чем душа отвлекается от Божественной и более досточестной заботливости; но «дай хлеб».

Видишь ли эту широту любомудрия? Сколько учений содержится в сем кратком изречении? Словом: «хлеб» как бы так взывает Господь внимающим: «перестаньте, люди, истощаться пожеланиями суетного! перестаньте на горе себе самих умножать поводы к трудам! Не велик твой естественный долг; обязан ты доставать плоти своей пищу, – дело не большое и не трудное, если имеешь в виду потребность. Для чего умножаешь свои повинности? Для чего налагаешь на себя иго, неся столько долгов, добывая серебро, откапывая золото, приискивая прозрачное вещество? Для того ли, чтобы всем подобным услаждать тебе этого всегдашнего собирателя податей – чрево, которому потребен только хлеб, удовлетворяющий тому, в чем нуждается тело?» А ты отправляешься к Индам, терпишь беды на чужеземном море, пускаешься в плавание на целые годы, чтобы привезенными оттуда покупками усладить пищу, не обращая внимания на то, что ощущение сладостей имеет пределом небо во рту, а также и благовидное, и благовонное, и услаждающее вкус доставляет чувству какую-то скоропреходящую и мгновенную приятность. Кроме неба во рту разность влагаемого в гортань ничем не различима; потому что естественном одинаково изменяется все в зловоние. Видишь ли конец поваренного искусства? Видишь ли последствие поваренных ухищрений? Проси хлеба для жизненной потребности; в этом природа сделала тебя должником телу. А что сверх этого изобретено изнеженностью роскошных, то из числа привсеянных плевел. Сеяние домовладыки – пшеница, а из пшеницы делается хлеб; роскошь же – плевелы; они врагом привсеяны к пшенице. Но люди, перестав служить природе необходимым, действительно, как говорит негде Писание (Мк.4:7, 19), бывают подавляемы рачением о суетном, и остаются не достигшими зрелости, потому что душа непрестанно занимает себя сими суетностями.

О чем-то подобном, может быть, как мне кажется, загадочно любомудрствует и Моисей, советником Еве к наслаждению вкушением представив нам змия. Сказывают же, что это животное – змий, если вставит голову в паз стены, в который вползает, то не легко вытащить его из паза тому, кто потянет за хвост, потому что упирающаяся чешуя естественно противится усилию тянущего назад; и кому проход вперед беспрепятствен, потому что чешуя по гладкому скользит, для того обратный путь назад, задерживаемый упорством чешуи, затруднителен. А слово сие, думаю, показывает, что надлежит беречься удовольствия, когда оно входит и вползает в скважины души, и, сколько можно, тщательнее заграждать пазы жизни. Ибо в таком случае жизнь человеческая блюдетя чистою от смешения с жизнью скотскою. Если же, по расстройству в нас связей жизни, найдет себе какой-либо вход

змий сластолюбия; то поэтому укроется в нас, так как по причине чешуй трудным делается извлечение его назад из вместилищ разумения. А слыша о чешуе, разумей под эту загадку разнообразные поводы к удовольствиям; ибо страсть к сластолюбию по родовому понятию – один зверь, но разные и различные виды удовольствий, примешиваемые чувствами к человеческой жизни, это – чешуи на змее, испещренные разнообразием страстей. Посему, если избегаешь сожителства с змием; то берегись головы, то есть первого приражения к тебе зла; ибо к сему ведет загадочный смысл Господней заповеди: «оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пята» ([Быт.3:15](#)). Не давай входа пресмыкающемуся, которое вползает во внутренность, и при самом начале входит всею длиною своего тела. Ограничивайся необходимою потребностью. Пределом заботливости твоей о жизни пусть будет удовлетворение нужды тем, что у тебя есть.

Если и с тобою Евин советник вступит в беседу о том, что прекрасно для взора и приятно для вкуса, и при хлебе станешь искать такой-то снеди, приготовленной с такими-то приправами, а потом в следствие сего прострешь пожелание далее необходимых пределов: то увидишь тогда, как пресмыкающийся в след за сим не приметно прокрадется к любостязательности. Ибо, от пищи необходимой перейдя к лакомым снедам, перейдет и к тому, что приятно для глаз, будет домогаться светлых сосудов, красивых слуг, серебряных лож, мягких постелей, прозрачных с золотою насыпью покрывал, престолов, треножников, купален, чаш, рогов, холодильников, ковшей, лоханей, светильников, курильниц. А чрез это входит похоть любостязательности, и домогается подобных вещей: но чтобы в заготовлении оных не было недостатка, потребны доходы на приобретение требуемого. Поэтому надобно иному быть в печали, живущему вместе проливать слезы, многим сделаться бедствующими, лишившись собственности, чтобы вследствие их слез за столом этого человека было блистательно. А когда змий обовьется вокруг этого, и наполнит чрево, чем было желательно, тогда, вслед за сим, по пресыщении человек более и более вовлекается в неистовство непотребства; и это есть крайнее из зол человеческих.

Посему, чтобы не происходило ничего этого, ограничивай молитву испрошением сего пособия – хлеба, ища снеди, приправляемой тебе самую природою. И сия приправа есть добрая совесть, при правильном употреблении хлеба всего более его услаждающая. А если желательно тебе усладить и ощущение гортани; то пусть приправою у тебя будет скудость, пусть не прилагается сытость к сытости, побуждение к принятию пищи не притупляется пьянством, но вкушению оной да предшествует у тебя по заповеди пролитие пота. «В поте и труде будешь есть хлеб **твой**» ([Быт.3:19](#)). Видишь ли, какая первая приправа пищи, по Писанию? Достаточно для тебя сею только потребностью занимать мысль свою: лучше же сказать, до этого только связывать душу попечениями о хлебе. Но скажи Тому, Кто изводит «хлеб от земли» ([Пс.103:14](#)), скажи Тому, Кто питает воронов ([Пс.146:9](#)), дает «пищу всякой плоти» ([Пс.135:25](#)), отверзает «руку» и исполняет «**всякое животно благоволения**» ([Пс.144:16](#)): «от Тебя моя жизнь, от Тебя да будет и средство к жизни. Ты дай хлеб, то есть, даруй иметь пищу от праведных трудов». Ибо если Бог есть правда, то не от Бога имеет хлеб, кто имеет пищу

от любостыжательности.

Сам ты властелин испрашиваемого в молитве, если довольство твое не из чужого, если доход твой – не от слез другого, если при твоей сытости никто не сделался голодным, если при твоём излеществе никто не воздохнул. Особенно же Божий хлеб таков, – это – плод правды, класс мира, несмешанный с семенами плевел и неоскверненный ими. Если же, возделывая чужое поле, без стыда делая неправду и записями закрепив незаконное приобретение, скажешь потом Богу: «дай... хлеб»: то другой будет внимать этим словам твоим. а не Бог; потому что плод неправды плодопринесит естество противное Богу. Кто старается о правде, тот от Бога приемлет хлеб: а кто возделывает неправду, того питает снабдитель неправды. Посему, взирая на совесть свою, приноси Богу прошение о хлебе, зная, что у Христа нет общения с Велиаром. Если принесешь дар от неправды: то дар твой – «плата блудницы и цены пса в дом Господа Бога твоего» (Втор.23:18). Хотя прикрасишь подаяния щедростью, однако ж от Пророка, гнушающегося такими приношениями, услышишь: «К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесождениями онов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – и празднование» (Ис.1:11, 13); и в другом месте: «приносящий агнца в жертву – то же, что задушающий пса» (Ис.66:3) вменится. Посему, если от Господа имеешь хлеб, то есть, от праведных трудов; то позволительно тебе приносить Ему начатки от плодов правды.

Прекрасно же и присовокупление слова: «на сей день». Ибо сказано: «хлеб насущный дай нам на сей день». В этом слове заключается другое любомудрие; произнося это, должен ты дознать, что жизнь человеческая однодневна. Собственность каждого – одно только настоящее, а надежда на будущее остается в неизвестности: не знаем, «что родит тот день» (Притч.27:1). Для чего мучим себя неизвестным, томим заботами о будущем? Сказано: «довольно для каждого дня своей заботы» (Мф.6:34), где злобою называется злострадание. Для чего прилагаем попечение «об утрии»? Посему Господь тем, что повелевает говорить: «сегодня», запрещает тебе заботу «об утрии», как бы следующее внушая тебе сим словом: «Кто дал тебе день, Тот даст и потребное на день. Кто «повелевает солнцу» (Мф.5:45); Кто уничтожает ночную тьму; Кто показывает тебе луч света; Кто вращает небо, чтобы над землею стало светило; Кто дает тебе это и многое другое, Тот ужели имеет нужду в твоём содействии, чтобы удовлетворить твоей плоти, снабдив её потребным? Какую тщательность о собственной жизни привносит от себя естество бессловесных? Какие пашни у врагов, какие житницы у орлов? Но одна ли у всех снабдительница жизни – Божия воля, которою все содержится? Вол, или осел, или другое какое бессловесное, научаясь, от природы имеют любомудрие, и хорошо располагают настоящим; о том же, что будет после, нет у них никакой заботы».

Ужели мы имеем нужду в советниках, чтобы уразуметь эту кратковременность и однодневность плотской жизни? Не вразумляемся тем, что бывает с другими? Как не уцеломудриваемся собственной своею жизнью? Что было пользы от большого заготовления тому богачу, который оболщал себя неосуществимыми надеждами, разорял, строил, собирал, роскошествовал,

чего достало бы на многие годы, то в суете надежд запирает в житницы? Не одна ли ночь обличила всю эту мечтательность надежды, как суетное некое сновидение о чем-то нестоящем внимания? Жизнь телесная ограничивается одним настоящим; а жизнь, предоставляемая надежде, есть собственность души. Но человеческое неразумие погрешает в употреблении той и другой, думая телесную жизнь продлить надеждами, а жизнь душевную тратя в наслаждениях настоящим. Посему-то душа, занимаясь видимым, по необходимости делается чуждою надежды существенной и действительной, по надежде опираясь на непрочное, и сим не овладевает, и чего надеялась, того не имеет.

Посему научимся из настоящего совета, чего надлежит просить сего дня, и чего в последствии. Хлеб – сегодняшняя потребность; а царствие – уповаемое блаженство. Сказав же о хлебе, Писание понимает под сим всякую телесную потребность. Если сего станем просить, уму молящегося будет явно, что забота его об однодневном. Если же просим чего либо из душевных благ, то явно, что прошение имеет в виду всегда пребывающее и нескончаемое, на что Господь и повелевает наипаче взирать молящимся, как на важнейшее, удовлетворяющее и первой потребности. «Ищите..., – говорит Он, – Царства... и правды..., и это все приложится вам» (Мф.6:33) о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.

Слово 5-е

**Мф.6:12-13. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;
и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.**

Слово, простираясь вперед, вошло на самый верх добродетели. Ибо словами молитвы изображает, каким, по его требованию, должен быть приступающий к Богу; показывает, что он уже вне пределов естества человеческого, и уподобляется по добродетели Самому Богу; так что делая то, что свойственно делать одному Богу, по видимому, и сам делается вторым богом. Ибо оставление долгов есть Божие свойство, и свойство преимущественное, – сказано: «кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» (Лк.5:21). Посему, если кто в жизни своей уподобился отличительным чертам Божия естества; то сам некоторым образом делается тем же, с кем сходство показал в себе точным уподоблением.

Итак чему же учит слово сие? Во-первых с дерзновением, на какое приобретено право предшествовавшей жизнью, сознать в себе уподобление Богу, и тогда уже осмелиться называть Бога Отцом своим и просить прощения в прежних прегрешениях; потому что не всякому просящему возможно получить то, чего желает, но тому, кто делами приобрел себе право просить с дерзновением. Ибо сие прямо внушает нам Господь в настоящем изречении, а именно: приступая к благодетелю, будь сам благодетелем; приступая к доброму, будь добрым; приступая к правдивому, будь правдивым; приступая к терпеливому, будь терпеливым; приступая к человеколюбивому, будь человеколюбивым; а также будь и всем иным, приступая к добросердому, к благосклонному, к общительному в благах, к милующему всякого, и если еще

что усматривается божественного, во всем этом уподобляясь произволением, приобретай тем себе дерзновение на молитву. Посему, как невозможно лукавому освоиться с добрым, и покрытому нечистыми сквернами иметь общение с чистым и нескверным; так приступающего к Божию человеколюбию отлучает от оногo жестокосердие. Посему, кто за долги держит человека в своей власти, и обходится с ним жестоко, тот нравом своим устранил себя от Божия человеколюбия. Ибо какое общение у человеколюбия с зверством, у любвеобильного расположения с свирепостью, и у всего прочего, что по противоположности злу представляется принадлежащим противной стороне, и в таком непримиримом ему сопротивлении, что преданный одному необходимо удален от противоположного? Как сделавшийся добычею смерти уже не жив, и наслаждающийся жизнью удален от смерти, так приступающему к Божию человеколюбию совершенно необходимо быть чуждым всякой жестокости. А кто соделался чуждый всего разумеемого под именем порока, тот некоторым образом по такому нраву делается Богом, доводя до преспеяния в себе то, что разум признает и о Божественном естестве.

Видишь, до какого величия Господь возвышает слушателей словами сей молитвы, прелагая некоторым образом естество человеческое в божественное, и узаконяя, чтобы приступающие к Богу сами делались богами? «Для чего, - говорит Он, - ты, поражаемый страхом, бичуемый своею совестью, раболепно приходишь к Богу? Для чего сам себе заграждаешь дерзновение, заключенное в свободе души и из начала существенно принадлежащее естеству? Для чего льстишь словами Небольстимому? Для чего с услужливыми и угодливыми речами обращаешься к Тому, Кто взирает на дела? Тебе, одаренному свободою и благоразумием, можно со властью иметь всякое благо, какое только дается от Бога. Будь сам себе судиею. Произнеси себе спасительный приговор. Желаеть, чтобы отпущены были тебе Богом долги? отпущай сам; Бог изрек приговор; твой суд над соплеменником, в котором ты властен, каков бы тот ни был, есть и твой приговор. Что сам о себе знаешь, то подтверждено о тебе и Божиим судом».

Но как достойным образом раскроет кто все величие Божия слова? Закрывающаяся в нем мысль превосходит словесное истолкование. «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Ту мысль, какая мне приходит при сем на ум, смело и держать в уме, а еще смелее раскрыть ее в слове. Ибо что сказано? Как преуспевающим в добре представляется в подражание Бог, по словам Апостола: «подражайте мне, как я Христу» (1Кор.11:1): так, наоборот, требуется, чтобы твое расположение к добру стало образцом для Бога; изменяется некоторым образом порядок, и мы осмеливаемся надеяться, что, как в нас подражанием Богу совершается доброе, так и Бог будет подражать нашим делам, когда преуспеем в чем-либо добром, и ты сможешь сказать Богу: «что сделал я, сделай и Ты; подражай рабу своему Ты, Господь, убогому и нищему Ты, царствующий над всем; я отпустил долги, не взыскивай и Ты! Я уважил просителя, не отвергни и Ты просящего! Я отпустил должника своего веселым, таков пусть будет и Твой должник! Не делай, чтобы Твой был грустнее моего! Пусть оба рьяно благодарят оказавших милость! Пусть посредниками обоих подтверждено будет равное отпущение и моему и Твоему должнику! Моим должником такой-то, а Твоим я; какое решение дал я

о своем должнике, такое же да возымеет силу и у Тебя; я разрешил, разреши и Ты! Я отпустил, отпусти, и Ты! Я великую милость оказал соплеменнику: подражай и Ты, Господи, человеколюбию раба Твоего».

«Но мои прегрешения пред Тобою тяжелее сделанных предо мною моим должником. Признаю это и я; рассуди и то, сколько преимуществуешь Ты во всяком добре. Тебе справедливо, нам согрешившим даровать милость, соразмерную преизбытку Твоего могущества. Малое человеколюбие оказал я; потому что большого не вмещает природа моя; а Ты сколько ни пожелаешь, могущество не воспрепятствует щедродаровитости Твоей».

Но с большею тщательностью выразим предлежащее изречение молитвы; рассмотрение смысла его, может быть и для нас послужит неким руководством к высокой жизни. Потому исследуем, какие те долги, которым повинно естество человеческое, и еще какие те долги, отпущение которых в нашей власти: познание сего доставит нам достаточное некое уразумение преизбыточества Божиих благ. А посему, сделаем здесь перечисление человеческих прегрешений пред Богом. Человек стал подлежать наказанию от Бога во-первых за то, что отступил от Сотворившего, и передался противнику, соделавшись беглецом и отступником от Того, Кто его Владыка по естеству, во-вторых за то, что самовластную свободу променял на лукавое рабство греху, и быть под самоуправством тлетворной силы предпочел сопребыванию с Богом. Да и это, – не взирать на красоту Создавшего, а обратить лицо к гнусности греха, можно ли признать каким-либо вторым из зол? И какой род наказаний заслуживающими почесть должно презрение Божественных благ, предпочтение же приманок лукавого? Заглаждение образа, повреждение Божественных черт, впечатленных в нас при начале творения, потеря драхмы, удаление от отчей трапезы, освоение с зловонною жизнью свиней, расточение драгоценного богатства, и все подобные прегрешения, какие можно видеть при помощи Писания и рассудка, исчислит ли какое слово?

Итак, поскольку род человеческий за таковые вины должен понести от Бога наказание: то мне кажется, что поэтому слово Божие учением, изложенным в молитве, наставляет нас, к молитвенному собеседованию с Богом, хотя бы кто из нас и всех более далек был от человеческих прегрешений, никогда не приступать с таким дерзновением. как будто бы у него чистая совесть. Ибо иной, может быть, подобно одному богатому юноше, образовав жизнь свою по заповедям, вправе, как и тот, похвалиться своею жизнью, и сказать Богу: «все это сохранил я от юности моей» (Мф.19:20), и даже предполагать о себе, что ему, как ни в чем не погрешившему против заповедей, крайне неприлично прошение об оставлении долгов, пригодное одним согрешившим. Оскверненному блудом, скажет он, приличны такие слова, или за любостыжательность обвиняемому в идолопоклонстве необходимо просить прощения, и вообще всякому каким либо прегрешением уязвившему совесть души, прекрасно и сообразно с нуждою прибегать к милосердию. А если он Илия великий, или действует «духом и силою Илии» (Лк.1:17), или велик «в рожденных женами» (Мф.11:11), или Петр, или Павел, или Иоанн, или другой кто из тех, чье превосходство засвидетельствовано божественным Писанием; то для чего употреблять подобные речения, которыми испрашивается оставление долгов тому, на ком нет никакого греховного долга? Для того,

чтобы иной, имея в виду что-либо подобное, не впал в высокомерие, подобно оному Фарисею, не знавшему и того, что он такое по естеству. (Ибо если бы знал, что он человек, то, конечно, естества своего не представлял чистым от скверны, научился бы из святого Писания, которое говорит: не найдешь у людей, чтобы жизнь одного дня могла быть без скверны (Иов.14:4) Посему, чтобы у приступающего с молитвою к Богу не произошло чего подобного с душою, слово Божие заповедует не смотреть на преспеяния, но приводить себе на память общие долги человеческого естества, в которых всякий, без сомнения, и сам участвует, как участвующий в естестве, и умолять Судию, чтобы даровал прощение прегрешений.

Ибо так как живет в нас Адам, и каждый из нас – человек: то, пока видим на естестве своем кожаные эти хитоны, и скоро увядающие листья вещественной этой жизни, которые, обнажившись от вечных и светлых риз, сшили мы себе ко вреду своему, вместо Божественных одежд облекши себя в забавы, славу, однодневные почести, убийственные услаждения плоти, – и пока взираем на это плотское местопребывание, на котором осуждены мы обитать; как скоро обращаемся к востоку (не потому только, что там видим для нас Бог, Который, как вездесущий не объемлетя никаким исключительно местом, но все равно содержит, а потому, что на востоке первоначальное наше отечество, разумею же пребывание в раю, из которого мы изгнаны («насади... Бог рай в Эдеме на востоке» (Быт.2:8)); посему, как скоро обращаем взор «на восток», и мысленно приводим себе на память изгнание из светлых и восточных стран блаженства, справедливо тогда присовокупляем сии речения и мы, оттеняемые недоброю смоковницею жизни, отверженные от очей Божиих, самовольно предавшиеся змию, который ест землю, и по земле ползает; ходит на персях и на чреве своем, и нам советует делать то же, – предаваться земным наслаждениям, по земле пресмыкающимися и влачащимися мыслями занимать свое сердце и ходить на чреве, то есть, заботиться о жизни сластолюбивой; посему в этом находясь состоянии, подобно оному блудному сыну, после долгого бедствования, в каком пребывал, пася свиней, как скоро приходим, как и он, в себя, и приводим себе на мысль небесного Отца, тогда прекрасно пользуемся таковыми речениями: «прости нам долги наши».

Посему, хотя бы кто был Моисеем и Самуилом, и другим кем из прославившихся добродетелью, тем не менее, поскольку он человек, почитает для себя приличными слова сии, как причастный Адамова естества, участник и его падения. Поскольку, как говорит Апостол, «в Адаме все умирают» (1Кор.15:22): то изречению, какое прилично Адаму при покаянии, надлежит быть общим для всех с ним умерших, чтобы, нам, при даровании прощения прегрешений, снова, как говорит Апостол, спастись благодатью Господнею (Еф. 2:5). Но сие сказано, чтобы иной при взгляде на более общее, мог уразуметь предлагаемое в слове. Если же кто будет искать истинного смысла в сем изречении; то, думаю, не потребуетя от нас возводить понятие к общему взгляду на естество; потому что достаточно совести, чтобы в рассуждении каждого поступка к жизни соделать необходимым прошение о помиловании.

Поскольку в этом мире жизнь наша, как думаю, подлежит многообразным влияниям, как по душе и разумению, так и по чувствам телесным; то трудно, или и совершенно невозможно, не увлечься ко греху хотя одною какою-либо

страстию. Например, эта любящая наслаждения жизнь относительно к телу делится по нашим чувствам, а относительно к душе оказывает себя в стремлении разума и в движении произвола: кто же столько возвышен и одарен таким благоразумием, чтобы по той и другой жизни избыть ему всякой скверны порока? Кто безгрешен оком? Кто невинен слухом? Кто чужд этого скотского услаждения гортани? Кто чист от прикосновения ко греху осязанием? Кому неизвестна эта предлагаемая Писанием загадка: «смерть входит в наши окна» (Иер.9:21)? Ибо чувства, посредством которых сообщаясь с внешними предметами, душа по выбору занимается ими, Писание назвало окнами, которые, по слову же Писания, и пролагают путь для входа смерти. Действительно многих смертей входом делается часто глаз, видит он раздраженного, и сам возбуждается к той же страсти: или видит благоденствующего не по достоинству, и воспламеняется завистью; или видит горделивого, и впадает в ненависть; или видит какое-либо доброцветное вещество, красивое расположение лица, и всецело поползается в вожделение нравящегося. И ухо отворяет окна смерти, вместе с тем, что слышит принимает в душу многие страсти: страх, печаль, раздражение, удовольствие, вожделение, неумеренный смех и тому подобное. А услаждение вкуса, как скажет иной, есть мать всех по порядку зол. Ибо кому не известно, что корнем почти погрешностей в жизни служит заботливость о гортани? От нее зависят роскошь, пьянство, чревоугодие, беспорядочное поведение, многоядение, пресыщение, разгульная жизнь, скотское и неразумное падение в страсти бесчестия. Подобным образом чувство осязания составляет крайний предел всех согрешений; все, что ни делается для тела сластолюбцами, принадлежит к числу недугов осязательного ощущения, подробное описание которых было бы продолжительно: да и неприлично к предметам важным примешивать все то, что служит в укоризну осязанию. А весь рой погрешностей души и произвола в состоянии ли и исчислить какое слово? Сказано: изнутри «исходят злые помыслы» (Мф.15:19), и присовокуплен список оскверняющего нас помыслом. Итак, если повсюду распростерты нам мрежи грехов всеми чувствилищами и сердечными движениями души, то «кто похвалится, – как говорит Премудрость, – я очистил сердце мое» (Притч.20:9)? «Кто очистил сердце свое?» – как о подобном сему свидетельствует Иов (Иов.14:4). А скверна для душевной чистоты есть удовольствие, во многих видах и многими способами примешиваемое к человеческой жизни и душою и телом, помышлениями и чувствами, намеренными движениями и телесными действиями. Итак у кого душа чиста от этой скверны? Кто не был поражен кичливостью? Кто не попран ногою гордыни? Кого не поколебала рука грешная? Чья нога не поспешала к пороку? Кого не оскверняло безвинное око, не ввергал в нечистоту невежественный слух, не занимал собою вкус? У кого сердце оставалось бездейственным для суетных движений?

Поскольку в нас есть все это, и в живущих скотски весьма дурно и несносно, в более же внимательных к себе сноснее, но все, кто одного с нами естества, всегда непременно участвуют в погрешностях естества; то, припадая в молитве к Богу, просим поэтому оставить нам долги. Но не приемлетя таковой глас, и не достигает Божественного слуха, если не вопиет вместе и наша совесть, что оказанной милостью делиться с другими – прекрасное дело.

Ибо кто рассуждает, что человеколюбие прилично Богу (а если бы не признавал приличным, не стал бы просить у Бога неприличного и несообразного), от того справедливость требует, собственными своими делами подтвердить суждение о прекрасном деле, чтобы самому не услышать от праведного Судии: «исцелись сам» (Лк.4:23). Меня умоляешь о человеколюбии, которым не делишься ты с ближними. Просишь об оставлении долгов; почему же сам мучишь должника? Умоляешь, чтобы рукописание на тебя было изглажено, а сам тщательно хранишь договоры с занявшими у тебя в долг? Просишь об уменьшении счета долгов, а сам данное в долг приращаешь лихвою? Твой должник в темнице, а ты в молитвенном доме? Он страдает за долги, а ты испрашиваешь оставления долга? Твоя молитва не услышана, потому что заглушает ее голос страждущего. Если разрешишь телесный долг, разрешены будут тебе душевные узы. Если простишь, прощено будет и тебе; сам будешь своим судиею, сам себе предпишешь закон, расположением к лежащему у ног твоих произнося свыше приговор о себе».

Чему-то подобному, кажется мне, учит Господь в другом слове, в виде повествования предлагая сие учение. По сему повествованию некий где-то царь грозно председательствует на суде, и призывает к себе служителей, собирает сведения о каждом их распоряжении. Приводят к нему одного должника, и царь оказывает ему человеколюбие; потому что должник, припав к его ногам, вместо денег в уплату представил просьбу; и он-то потом с подобным ему рабом за небольшой долг поступает жестоко и бесчеловечно, и прогневляет царя своим бесчеловечием к подобному себе рабу. Царь повелел исполнителям казни совершенно изгнать его из царского дома, и продлить мучение до того времени, как вытерпит достойное вины наказание. И действительно, что значат несколько ничего не стоящих и легко сосчитываемых волов в сравнении с тьмами талантов; то и долги нам братий наших в сравнении с нашими прегрешениями, пред Богом. Во вред тебе, конечно, служит, или нанесенная кем-нибудь обида, или порочность служителя, или злой умысел на телесную жизнь; и ты в воспламенении сердца раздражен к отмщению за это, отыскиваешь все возможные средства к наказанию огорчивших тебя.

И если раздражение воспламенено на служителя, не рассуждаешь, что не природою, но властолюбием разделен род человеческий на рабов и господ. Ибо Домоправитель вселенной узаконил одному бессловесному естеству быть в рабстве у человека, как говорит Пророк: «все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, все, преходящее морскими стезями» (Пс.8:7-9). Их называет Пророк и служебными, так как сказано в другом месте пророчества: «Дающему скоту пищу их», «и злак на службу человекам» (Пс.146:8-9). Человека же украсил Бог даром свободы, так что поработенный тебе обычаем и законом по достоинству естества имеет равенство с тобою. Не от тебя получил он бытие, не тобою живет, не от тебя заимствует телесные и душевные силы. Почему же столько вскипает на него раздражение твое, если он поленился, или оставил тебя, или, может быть, и в глаза тебе оказал пренебрежение? Должно тебе посмотреть на себя самого, каков ты бывал пред Владыкой, Который сотворил тебя, ввел в мир посредством рождения, сделал тебя причастником этих чудес в мире, в

наслаждение тебе предложил солнце, даровал все средства к жизни из стихий, из земли, из огня, из воздуха, из воды, снабдил тебя даром разума, впечатлительным чувством, знанием различающих доброе и худое? И что же? Ты разве послушен такому Владыке, и не упорен против Него? разве не отступил от Его владычества? разве не бежал ко греху? разве не обменял благого владычества на лукавое? Разве, сколько от тебя это зависело, не оставил пустым Владычного дома, оставив то, что заповедано тебе было «**делать и хранить**» (Быт.2:15)? И не при вездесущем ли всевидящем свидетеле Боге, или совершаешь исчисленные прегрешения, или говоришь, или думаешь, чего не должно? И потом, когда ты таков и столькими обременен долгами, считаешь за нечто великое оказать милость подобному себе рабу тем, что оставишь без внимания какое-нибудь его пред тобой прегрешение?

Посему, если намереваемся принести Богу моление о милости и прощении, то приуготовим дерзновение совести, представим жизнь свою ходатайницею за произносимую молитву, чтобы воистину можно было сказать: «**яко и мы оставили должников наших**».

Что значит за сим присовокупляемое к сказанному? Почитаю необходимым не оставить и сего без рассмотрения, чтобы, зная, кому молимся, приносить моление душою, а не телом. «Не введи нас в искушение, **но избави нас от лукавого**» (Мф.6:13). Какая, братия, сила сказанного? Господь, кажется мне, многообразно и различно Именуется злого по разности лукавых сил, называя его многими именами: диаволом (Мф.13:39), Вельзевулом (Мф.10:25), мамоною (Мф.6:24), князем мира (Ин.14:30), человекоубийцею (Ин.8:44), лукавым, отцом лжи (Ин.8:44) и другими подобными именами. Посему, может быть, одним из разумеемых о нем имен есть и это: «искушение». И такую нашу догадку подтверждает словосочинение в сказанном; ибо Господь после слов: «не введи нас в искушение», присовокупляет прошение об избавлении от лукавого, как будто тем и другим означает один и тот же. Если, кто не входит «во искушение», тот непременно вне власти лукавого; и кто «в искушении», тот необходимо бывает во власти лукавого: то следует, что «искушение» и «лукавый» по значению одно и то же. Что же внушает нам такое учение молитвы? – Стать вне усматриваемого в мире сем, как говорит ученикам в другом месте, что «**весь мир лежит во зле**» (1Ин.5:19). Посему, кто желает стать вне власти лукавого, тот по необходимости переселяется из мира. Ибо «искушение» не имеет возможности коснуться души, если мирскую эту заботу, подобно какой-то приманке, возложив на коварную уду, не прострет к жадным. Но гораздо более ясно для нас сделается мысль сия из других примеров. Море нередко бывает страшно своими волнениями, но не для тех, которые живут от него вдали. Огонь истребителен, но только для подложенного в огонь вещества. Война ужасна, но для одних вступивших в воинские ряды. Кто избегает бедствий, какие постигают на войне, тот молится, чтобы не впасть в необходимость воевать. Кто боится огня, тот молится, чтобы не быть ему в огне. Кто трепещет моря, тот молится, чтобы не было ему нужды пуститься в мореплавание. Так и тот, кто страшится приражений лукавого, пусть молится, чтобы не быть ему во власти лукавого. А поскольку, как сказали мы прежде, по слову Писания «мир лежит во зле», и в мирских делах заключаются поводы к «напастям»: то молящийся об избавлении от лукавого хорошо и надлежащим поступает

образом, когда просит, чтобы не придти ему в «искушение». Ибо, не повлекши с жадностью приманку, невозможно кому-либо поглотить крючок на уде.

Но и мы, восстав, скажем Богу: «не введи нас в искушение», то есть, в бедствии настоящей жизни, **«но избави нас от лукавого»**, приобретшего силу в этом мире, которого да избавимся и мы по благодати Христа, потому что Его и сила и слава с Отцом и всесвятым и благим и животворящим Духом во веки веков. Аминь.